

Несостоявшееся государство: идея и практика «буферной» республики на российском Дальнем Востоке в годы революционной смуты в концепции Джона Стефана

Очнева Вера Викторовна

*Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
магистрант*

Азаренков Александр Алексеевич

*Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
к.и.н., доцент, доцент кафедры истории и архивоведения*

Аннотация

В статье рассматриваются основные проблемы непродолжительной истории марионеточного «буферного» государства на тихоокеанской окраине России – Дальневосточной республики (ДВР), поднимаемые в монографии американского исследователя Джона Стефана. Представленный Стефаном анализ процесса создания ДВР, её политического механизма, противостояния основных внешнеполитических сил в регионе, острой внутривластной борьбы и причин ликвидации «буфера» представляет несомненный интерес и вносит весомый вклад в историографию темы. На фоне современной постсоветской историографии Дальневосточной республики некоторые идеи и интерпретации историка выглядят новаторскими, хотя и небесспорными.

Ключевые слова: «буфер», политика, Дальневосточная республика, ДВР, РКП(б), власть, демократия, режим, регион.

The Failed state: «the Buffer» republic idea and practice in the Far East during the revolutionary revolt years according to the J. J. Stephan conception

Ochneva Vera Viktorovna

*Sholom-Aleichem Priamursky State University
undergraduate*

Azarenkov Alexander Alekseevich

*Sholom-Aleichem Priamursky State University
PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of History and Archival
science department*

Abstract

The article describes the main problems of short-term «buffer» puppet government history in the Pacific region of Russia The Far East Republic (FER), which were raised in the American researcher J. J. Stephan monograph. The FER formation

analysis presented by Stephan, its political work, opposition of the main foreign-policy forces in the region, acute domestic policy struggle and the reasons of «buffer» liquidation presents itself indubitable interest and contributes to the historiography of the subject. Against the contemporary post-Soviet Far East Republic historiography background some of this researcher's ideas and interpretations look like innovatory, yet, doubtful.

Keywords: «buffer», politics, Far-Eastern Republic, FER, RKP(b), power, democracy, regime, region.

Среди западных исследований истории Дальневосточной республики (ДВР) – детища российской революционной смуты 1917 – 1922 годов – особый интерес представляет монография профессора Гавайского университета Джона Стефана «Российский Дальний Восток: История», опубликованная в 1994 году [1]. Собственно ДВР посвящена только 16-я глава данной книги. Хотя история государства-«буфера» оказалась вписана в контекст внутренних процессов в регионе, точно так же, как и иностранного вмешательства в них в обозначенный переломный по своим характеристикам период. В общей сложности революционной смуте на тихоокеанской окраине России американский историк посвятил четыре главы.

Книга Джона Стефана предназначена популяризировать историю Дальнего Востока России среди широкого читателя. Поэтому она написана в свойственном большинству западных историков занимательном стиле. Отсюда отсутствие достаточного обоснования некоторых рассматриваемых сюжетных линий и вопросов. В то же время ее автор подходит к анализу изучаемого им материала как профессиональный ученый – достаточно строго и серьезно. На наш взгляд, ему удалось справиться с задачей сказать о сложном просто и доступно.

В монографии использован достаточный круг документов, преимущественно опубликованных либо извлеченных из зарубежных архивов. В то же время российские архивные материалы не были привлечены. Стефан знаком с мемуарными источниками, а также с научными публикациями советских историков [2].

По мнению историка, иностранное вмешательство в события и процессы в регионе имело значение намного более существенное, чем в центре России. При оценке интервенции держав на российском Дальнем Востоке Стефан придерживается общей точки зрения американской историографии, что единственным носителем грабительских и экспансионистских целей в регионе выступала Япония. Тогда как политика Соединенных Штатов, напротив, имела своей задачей стабилизировать ситуацию в условиях фактического распада российской власти и государственности. Поэтому объективно США играли роль преимущественно дипломатической силы, сдерживающей агрессию японского милитаризма. Соединенные Штаты пытались как контролировать Японию, так и «давить» на нее, создав что-то вроде «объединенного фронта» ведущих западных держав и попытавшись втянуть в него Японию, чтобы

«растворить» и умиротворить японскую угрозу. Именно две взаимосвязанные задачи – сдерживания внутреннего хаоса и пытавшейся воспользоваться этим хаосом восточной державы – Японии (после падения режима Колчака с конца 1919 года преимущественно дипломатическими усилиями, в том числе – через поддержку российского «буферного» марионеточного государства – Дальневосточной республики) стали основными причинами участия Соединенных Штатов (и в гораздо меньшей мере Великобритании, Канады, Франции и прочих европейских держав) в событиях внутрироссийской смуты на Дальнем Востоке.

Таким образом, по Дж. Стефану, лишь со стороны Японии иностранное вмешательство носило характер откровенной интервенции. Действия прочих держав во главе с Соединенными Штатами напоминали скорее роль полицейского, обеспечивавшего подобие порядка и ограничивавшего аппетиты Японии, спасавшего жертву революционного хаоса – население де-факто распавшейся России. Стефан полагает, что задачи союзных держав были достигнуты. Но на практике достигнутый результат расчистил путь к власти большевикам. Тем самым, Соединенные Штаты вольно или невольно, но содействовали распространению власти «красной» Москвы на регион.

Для затягивания интервенции на юге региона (в первую очередь – в Приморье, Приамурье и на Сахалине) в качестве повода Япония использовала действия экстремистских группировок партизан, под «красной» личиной занимавшихся мародерством и откровенным террором в отношении населения (преимущественно зажиточного, хотя часто и против обывателей) и иностранцев (японцев, американцев). Наиболее ярким примером стал называемый «николаевский инцидент» – резня японцев, а затем и горожан, учиненная отрядом анархиста Якова Тряпицына в Николаевске-на-Амуре. В ответ японские интервенты провели акции устрашения и возмездия против местных радикалов в Хабаровске и Владивостоке в ночь с 4 на 5 апреля 1920 года. Рассмотрев «николаевский инцидент», Стефан дал крайне негативную оценку действиям Тряпицына и его банды. Он подчеркнул вероломство повстанцев, расстрелявших японских заложников, а заодно уничтоживших «нетрудовое» население города (прежде всего интеллигенцию), а несколько тысяч русских жителей насильно увезенных с собой на средний Амур (в партизанский очаг – так называемый «красный остров») через таежные дебри. На месте Николаевска осталось мертвое пепелище с несколькими случайно спасшимися людьми. По мнению историка, в данном случае (как и в ряде аналогичных) акции возмездия японского командования были оправданными и играли стабилизирующую роль. Действия интервентов остудили амбиции радикальных элементов, включая и большинство приморских большевиков, стремившихся к установлению советовласти «самостийного» (т.е. неподконтрольного Москве) толка, в сельской местности зачастую сводившихся к той же самой партизанской «вольнице».

Вообще, по мысли Д.Стефана, коммуникативная проблема – оторванность региона от московского центра и даже от большевизированной Сибири (где тоже проявлялся локализм местного большевистского

начальства и даже военного руководства 5-й Красной Армии) оказывала довольно существенное и продолжительное влияние на политические процессы и обуславливала самостоятельное поведение дальневосточных коммунистических элит. Особенно болезненно последствия сепаратизма проявлялись в кризисных ситуациях – вроде создания ДВР и конкретного наполнения политики этого «буферного» псевдогосударства. Вплоть до начала Второй мировой войны из-за проблем со связью с центром, неполноты информационной картины, запоздания московских директив и почти полной бесконтрольности большевистских функционеров в дальневосточном регионе это вело к созданию и борьбе местных неформальных группировок друг против друга и к нарушению планов центра относительно дальневосточного региона. Единственный путь борьбы с сепаратизмом состоял в кадровых пертурбациях – постоянных перетрясках местных элит и их лидеров с присылкой из Москвы им на замену новых фигур (как правило, в «почетную ссылку» на исправление – в основном проштрафившихся или запятнавших себя участием в разного рода «оппозиционных» фракциях в РКП(б)-ВКП(б)). Так, давая оценку реальному практическому организатору и руководителю ДВР А.М.Краснощекову, Стефан пришел к разумному заключению, что Краснощеков не мог устроить ни дальневосточных сторонников немедленного советовластия из-за своей приверженности «буферному» компромиссу, ни партийных бонз в Москве, небезосновательно подозревавших его в автократических замашках с перспективой создать полунезависимый от центра дальневосточный анклав. Создатель «буфера» уже через полгода после объединения областей региона под властью ДВР оказался в ситуации «между молотом и наковальней». В итоге Краснощекова отправили «на лечение» в центр и обратно на Дальний Восток уже не вернули.

Впрочем, информационная разорванность центр – Дальний Восток – напоминала палку о двух концах. Москва, имея слабое или совсем искаженное представление о дальневосточных делах, довольно часто сама вела себя неадекватно. Многие директивы центра выполнить было просто невозможно в силу их фантастического характера. Тем более, что дальневосточные вопросы почти всегда решались в ЦК и Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б), как и в хозяйственных ведомствах, в последнюю очередь, по «остаточному» принципу. Что лишь подпитывало сепаратизм коммунистических функционеров на местах.

Рассматривая причины создания фиктивно демократического государства-«буфера», Джон Стефан интерпретирует их с точки зрения вынужденной необходимости для Москвы любой ценой удержать российский Дальний Восток в перспективе, пока что временно заморозив решение этого вопроса из-за отсутствия у большевиков свободных военных и хозяйственных ресурсов для ведения войны с Японией.

Сама идея временного «буферного» государства на восточной периферии России – от Байкала и до Тихого океана – зародилась в головах умеренных (по сравнению с большевиками) партий социалистов-

революционеров и меньшевиков, намеревавшихся, коль скоро не вышло в России, построить на ее далекой окраине демократическую Россию (в соответствии со своими партийными доктринерскими представлениями) – как альтернативу и большевистской диктатуре в Советской России, и как перспективный проект для грядущей социалистической России.

Однако идея «буфера» была перехвачена московскими большевиками, быстро отодвинувшими инициативных политических конкурентов в сторону. В Москве вознамерились создать независимый «буфер» лишь по форме, но не по существу. Сколь фиктивным должно было стать новоявленное «государство», столь же декоративными делались и демократические институты (законодательство, парламент, выборы, институт частной собственности, свобода внутренней и внешней торговли, концессии, частное предпринимательство и т.п.) в нем.

Результаты «буферной» политики Москвы Стефан считает в целом успешными. Несмотря на провокации партизан, Япония под давлением держав лишилась открытого повода для оккупации региона и была вынуждена постепенно сужать сферу интервенции до территории одного только Приморья. И хотя избежать конфликтных ситуаций с японцами не удалось, открытой войны так и не случилось.

Впрочем, в Токио, как и в Москве, тоже попытались разыграть «буферную» карту. Первой ставкой Японии в начавшейся игре стало Временное правительство Дальнего Востока во Владивостоке, провозглашенное в конце марта 1920 года, куда вошли и местные «умеренные» коммунисты. Однако после разгрома японцами левых радикалов в начале апреля 1920 г. (в качестве ответа на «николаевский инцидент») это правительство существовало под плотным японским контролем, идя на уступки Японии, дабы не спровоцировать новые конфликтные ситуации. Но завершение объединения областей региона под началом пробольшевистского Временного правительства ДВР в Чите (ставшей столицей единой ДВР) превратило Временное правительство во Владивостоке в фикцию. Этой комбинацией замысел Японии удалось нейтрализовать.

Попытка превратить в японскую марионетку казачьего атамана Семенова тоже не удалась, отчасти по причине одиозности подобного рода политических лидеров в глазах дальневосточников, отчасти – по непредсказуемости амбиций и поведения самого атамана, возмнившего себя незаменимой фигурой.

Ещё одной ставкой Японии стало сепаратистское Приамурское правительство С.Д.Меркулова, созданное в южном Приморье (с центром во Владивостоке) после поддержанного японцами переворота против прокоммунистической ДВР в мае 1921 года. Однако меркуловская власть не вполне оправдала японские надежды, погрязнув во внутренних интригах и коррупционных скандалах. Джон Стефан назвал меркуловский режим агонизирующим.

Вывод справедливый, но лишь отчасти. Именно под прикрытием правительства Меркулова Япония смогла поддержать организовавшиеся антибольшевистские формирования белоповстанцев (в основном из остатков бывшей белой армии погибшего генерала Каппеля) и вооружить их. Спустя несколько месяцев, осенью 1921 года, началась наиболее масштабная попытка наступления белоповстанцев под командованием генерала Молчанова на ДВР из Приморья. Наступление едва не привело к успеху. После потери Хабаровска и фактического самораспада так называемой «Народно-революционной армии» ДВР пребывавшим в панике коммунистам «буфера» пришлось срочно просить Москву и сибирских соседей о помощи. Начиная с первых месяцев 1922 года армия фиктивного «буфера» в действительности почти целиком состояла из переброшенных из «красной» Сибири частей и вооружений. Численно преобладавшие «свежие» силы Красной Армии, выступавшие под флагом НРА ДВР, за несколько недель загнали белоповстанцев обратно в Приморье. Последняя попытка Японии изгнать большевиков из «буфера» захлебнулась.

Слегка завуалированный демократическими вывесками и неработающими законами характер «буфера» был очевиден для иностранцев – и для японцев, и для американцев. Поэтому особых иллюзий относительно прокоммунистического марионеточного «государства» они не испытывали. С этим пониманием связано и непризнание ДВР ни одной из держав (кроме, разумеется, Советской России), и отсутствие как таковой внятной реакции на его ликвидацию по приказу из Москвы. Это случилось почти сразу после завершения японской эвакуации и одновременного разгрома силами фиктивной НРА столь же марионеточных, но уже от Японии, остатков антибольшевистских сил.

Выводы Джона Стефана во многом созвучны оценкам одного из соавторов данной статьи, изложенных в его публикациях [3-9], которые написаны преимущественно на базе неопубликованных российских архивных документов.

Библиографический список

1. Stephan J. J. The Russian Far East: A History. Stanford, 1994. 482 p.
2. История Дальнего Востока России: от эпохи первобытного общества до конца XX века. Т. 3, кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
3. Азаренков А.А. «Демократический компромисс»: идея «буфера» на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил – участников гражданской войны в России (январь 1920 – январь 1921 гг.). Монография. Комсомольск-на-Амуре: КГПУ, 2001. 152 с.
4. Азаренков А. А. ««Буферная» четырёххвостка»: выборные кампании в представительные органы власти Дальневосточной республики. Монография. Комсомольск-на-Амуре: КГПУ, 2001. 77 с.
5. Азаренков А.А. Политическая модель Дальневосточной республики:

- механизм функционирования институтов власти «буферного» государства (1920–1922 гг.). Монография. Комсомольск-на-Амуре: КГПУ, 2001. 94 с.
6. Азаренков А.А. Методы ликвидации Дальневосточной Республики в 1922 году // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 94-104.
 7. Азаренков А.А. Большевистский марионеточный «буфер» в Прибайкалье и провозглашение Дальневосточной республики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2009. № 1. С. 108–116.
 8. Азаренков А.А. Внешнеполитический контекст политики «буферизма»: марионеточное дальневосточное государство-«буфер» как геополитическая игра большевистской России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2009. № 2. С. 54-60.
 9. Азаренков А.А. Геополитический вызов России: «Вашингтонская система» региональной стабильности и возвращение СССР на Дальний Восток // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2009. № 2. С. 61-66.